

Я в двух словах пояснил Мотидзуки, своему соседу по комнате, куда отправляюсь, и незадолго до десяти вышел.

Мобильник я положил в карман – это был уже рефлекс. Нет, не совсем удачное слово. Меня заставило так поступить произошедшее в столовой. Лучше иметь мобильник при себе – на случай чего. В конце концов, Мей же удалось связаться со мной сегодня вечером, хоть качество связи и было отвратным...

Идя по сумрачному коридору от комнаты 202 к 223, я не встретил ни души. Видимо, все последовало указаниям Тибики-сана и послушно засели по номерам.

Подойдя к комнате Мей, я кинул взгляд наружу через окно в стене коридора.

Ветер по-прежнему яростно свистел, но дождь, похоже, прекратился. Облака, недавно застилавшие небо плотной пеленой, стали тоньше, сквозь них призрачным круглым фонарем светила луна. В ее свете я различал контуры деревьев возле здания.

У самого края леса, в углу лужайки, я заметил маленькое одноэтажное строение. Слишком маленькое, чтобы его можно было назвать пристройкой или задним домиком. Скорее, сарайчик для инструментов.

Рассеянно глядя наружу, я вдруг увидел, как окно сарайчика зажглось. Похоже, кто-то там внутри включил свет.

Разумеется, это был не повод всерьез задаться вопросом, кто бы это мог быть. Кто-то из супругов Нумата, кто же еще. Видимо, он (или она) зашел туда за чем-то нужным.

Я отодвинулся от окна, медленно, глубоко вдохнул и постучал в дверь комнаты 223.

После довольно долгой паузы Мей наконец открыла дверь. Она была в легком кардигане цвета слоновой кости поверх летней школьной формы, и ее лицо казалось еще более восковым, чем обычно.

– Давай, – напряженным голосом и без намека на улыбку произнесла она. Было не так уж жарко, однако кондиционер в ее комнате работал на полную катушку. – Сядь хотя бы.

Точно такими же словами она впервые пригласила меня в гостиную у себя дома. Я уселся на стул возле стола, стоящего напротив балконной двери. Мей села на краешек одной из двух кроватей, потом вдруг заявила:

– Мы говорили про Мисаки.

Она смотрела на меня, не моргая. Я молча кивнул.

Естественно, это «Мисаки» относилось не к парню «Мисаки» двадцатилетней давности, не к ее собственной фамилии «Мисаки» и даже не к району «Мисаки», в котором она жила. Она имела в виду Мисаки Фудзиоку, свою двоюродную сестру, умершую в городской больнице Юмигаоки в тот день в конце апреля.

– Честно говоря, я об этом думал с того самого дня, когда увидел тебя в больнице. Я думал,

зачем ты ехала на лифте на второй подвальный этаж, – заговорил я, будто освежая собственную память. – Мисаки-сан лежала в больнице, но в тот день она скончалась, да? И ее перенесли в морг на втором подвальном этаже, да? И ты сказала, что несешь ей куклу. Но все равно...

– Тебе показалось, что все это странно?

– В общем, да.

– Ситуация, понимаешь, немного запутанная, – Мей опустила взгляд. – Я вообще-то не хотела никому рассказывать, но...

– Ты не против, если я узнаю? Ты мне расскажешь?

Чуть помолчав и по-прежнему глядя в пол, Мей ответила:

– Да.

2

– Мы с Мисаки Фудзиокой были двоюродными сестрами. И одногодками. Но – как бы это сказать? Так было не с самого начала.

Мей чуть подняла голову, тихим голосом начав свой рассказ. Такое вот она выбрала интригующее введение. Я склонил голову набок, изо всех сил пытаюсь понять смысл ее слов.

Она как ни в чем не бывало продолжила:

– Маму Мисаки зовут Мицуё, у моей – Кирики – настоящее имя Юкиё. Они сестры и при этом ровесницы.

– Ты имеешь в виду... – перебил я, по-прежнему сидя со склоненной набок головой, – что они близнецы?

– Разнойцовые, по-видимому. А фамилия их Аманэ. Мне рассказывали, что бабушка Аманэ за всю жизнь так и не вышла замуж.

Я думал, «бабушка Аманэ», та старушка в «Пустых синих глазах» – двоюродная бабушка Мей по материнской линии?

– Они разнойцовые близнецы, но очень похожи; кроме того, они выросли в одной среде, получили одно и то же воспитание... Мицуё вышла замуж первой. За человека по фамилии Фудзиока. Я слышала, он был офисным работником в мелкой фирме, как-то связанной с продуктами. Многообещающий молодой человек.

Вскоре Юкиё вышла за Котаро Мисаки – моего отца. Он успешный бизнесмен и круглый год летает всюду по своим делам. В общем, можно сказать, полная противоположность мужу Мицуё.

Мицуё, жена Фудзиоки-сана, родила первой.

– Она родила Мисаки-сан?

Мей молча кивнула, ее взгляд скользнул в мою сторону. Потом она добавила:

- И еще одну девочку.

- Э?..

- Она родила двойню.

Мей снова уткнулась взглядом в пол.

- Двух девочек. Тоже разнояйцовых близнецов, и тоже очень похожих друг на друга.

У Мисаки Фудзиоки была сестра-близнец?

Я снова склонил голову набок.

Неужели же?.. Нет, не может быть.

- Юкиё тоже забеременела - через год после Мицуё. Но у нее при родах возникли осложнения.

- Да, ты мне уже говорила.

- Ей было очень, просто невероятно грустно. Почти до сумасшествия. Самым подлым ударом стало то, что из-за неудачных родов она больше не могла иметь детей в принципе.

- ...Аа.

Тут-то я начал примерно догадываться, к чему все идет.

- В семье Фудзиока, вознагражденной двойней, было не все в порядке с деньгами, и они были не уверены, что сумеют вырастить двух детей сразу. В то же время семья Мисаки должна была сделать что-то, чтобы спасти Юкиё, которая все глубже впадала в отчаяние. И я уверена, что Мицуё тоже было очень жаль сестру. И тогда, можно сказать, был найден баланс между спросом и предложением.

- Спросом... и предложением?

- Да. Ты ведь понял, что я имею в виду? - спросила Мей. Все это время ее тон оставался таким же тихим и спокойным, как в начале рассказа. - Одну из близняшек Фудзиока удочерила семья Мисаки.

- Значит...

- Это была я. Я превратилась из Мей Фудзиоки в Мей Мисаки, когда мне было два года. Я ничего не помню, что могло бы подсказать, почему выбрали меня, а не Мисаки.

Мей сделала короткую паузу, но тут же продолжила, как бы отгоняя вопрос:

- Думаю, это из-за наших имен.

- Из-за имен?

- Если бы семья Мисаки удочерила Мисаки, она бы стала Мисаки Мисаки. Думаю, они приняли решение из-за какой-то такой глупости.

Тень улыбки возникла на бледно-розовых губах и тут же исчезла.

- Таким образом, сколько я себя помню, я росла в семье Мисаки как единственная дочь Юкиё - Кирики. Мне даже не рассказывали, что я приемная. Когда я была маленькая, я была уверена, что Мицуё - это моя тетя. А Мисаки - двоюродная сестра, и просто так получилось, что мы с ней ровесницы и очень похожи. Даже то, что у нас один и тот же день рождения, - это было просто «Уаа! Ничего себе совпадение!». Думаю, это из-за того, что наши матери тоже были близнецами.

Правду я узнала, кажется, в пятом классе. Бабушка Аманэ случайно что-то ляпнула, а потом все мне рассказала; Кирика... моя мать тогда была просто в панике. Думаю, дай ей волю, она бы это от меня всю жизнь скрывала.

Хотя Мей рассказывала мне нечто очень важное о своем происхождении, голос ее оставался еле слышным, а выражение лица - совершенно неподвижным. Я понятия не имел, как реагировать на ее слова, и все, что мне оставалось, - лишь молча слушать.

- Для нее я по сути была заменой ее собственного мертворожденного ребенка. Заменой. Для отца - тоже чем-то подобным. Думаю, они обо мне заботились больше, чем большинство настоящих родителей о своих детях. Когда была эта история с глазом, они сделали все, что только могли, и мать даже создала для меня этот специальный искусственный глаз... Я им благодарна за все это. Но...

«Я одна из ее кукол».

- Но замена есть замена. Она всегда видела во мне своего родного ребенка, того, которого она должна была родить.

«Я живая, но ненастоящая».

- Я уверена - она запирается в своей мастерской и продолжает делать всех этих кукол, потому что ее сердце по-прежнему разбито смертью ее ребенка. Я просто не могу думать как-то по-другому. И для меня, как только я узнала правду, она стала матерью, которая меня вырастила, но не настоящей мамой...

Слова Мей увяли, и я влез с вопросом:

- А что ты подумала сразу, когда узнала?

Мей долго подбирала нужные слова, наконец ответила:

- Я... захотела встретиться с ней. С настоящей матерью, Мицуё. И с отцом.

Мне показалось, что ее щеки при этих словах чуть-чуть порозовели.

- Я вовсе не собиралась ругать их, винить их за то, что они отдали меня, а не Мисаки. Правда не собиралась. Я просто хотела их увидеть, поговорить с ними по-настоящему, самой убедиться, что это те самые люди, которые дали мне жизнь.

Но примерно в то время семья Фудзиока переехала. Раньше мы с Мисаки ходили в начальные школы по соседству, и наши дома тоже были недалеко; но тут Мисаки сменила школу и стала жить далеко, хотя и в том же городе, и видаться нам стало не так уж просто. Но я все равно решила встретиться с мамой и сказала это Кирике. У нее тогда стало такое печальное лицо, а потом она так сильно рассердилась...

- Что, она не хотела, чтобы ты виделась со своей настоящей матерью?

- Да, - кивнула Мей, и ее плечи чуть съежились. - По-моему, я уже говорила. Ей безразлично, куда я хожу и что делаю, но в отношении некоторых вещей она очень сильно беспокоится и нервничает.

- А... ага.

- Я тогда именно это имела в виду. Сближаться с Мицуё. Думаю, вполне естественно, что она нервничает по этому поводу. Особенно с учетом того, что та женщина - ее родная сестра. То, что она заставляет меня носить мобильник, - видимо, тоже из-за этого беспокойства. Он нас всегда соединяет. Я, в общем, понимаю ее чувства, но...

Мей снова сделала паузу, подбирая слова.

- Но... я все равно время от времени по секрету от нее встречалась с Мисаки. После того как мы поступили в среднюю школу - чаще, чем раньше. И примерно в то же время она узнала, что мы с ней родные сестры.

Может быть, тебе это покажется странным, но и я, и она чувствовали эту связь. Мы связаны тем, что вместе были внутри матери. Мы были половинками друг друга; звучит как штамп, но мы действительно так чувствовали.

Да, на случай если тебе интересно - это не такое уж приятное чувство. Такое загадочное, непонятное... что моя вторая половина вот здесь, рядом... это самое сильное впечатление, что у меня было в то время. И кроме того, ну, Мисаки росла в настоящей семье с родными мамой и папой, а ее вторую половинку отослали в приемную, и она там даже глаз потеряла... Возможно, я выросла немного более циничной, чем она.

Вдруг резко задребезжала оконная рама. Ветер переменялся, что ли? У меня внезапно возникло ощущение, что кто-то заглядывает снаружи в комнату - хотя этого просто не могло быть, - и я машинально обернулся посмотреть.

- А потом... прошлой весной. Мисаки вдруг заболела, - продолжила Мей. - Это была очень серьезная болезнь, что-то с почками. Ей пришлось бы сидеть на диализе до конца жизни. Единственной альтернативой была пересадка почки.

- Пересадка...

- Да. Мисаки должна была получить почку от Мицуё, своей матери, и ее положили на операцию в большую больницу в Токио. Знаешь, я хотела дать ей свою почку. Ну, мы же близнецы, хоть и разнояйцовые, и с одинаковой фигурой - ведь правда же это лучший вариант для трансплантации? Говорят, пересаживать почку от взрослого к ребенку очень трудно из-за разницы в размере и всего такого, так что... Но, по-видимому, есть какой-то закон, что дети до пятнадцати лет не могут служить донорами органов, так что я ничего не смогла сделать. Сколько я ни клялась, что хочу этого. Правда... даже если бы в больнице согласились сделать исключение - Кирика, как только узнала бы, вцепилась руками и ногами и все равно не пустила бы меня...

Значит, это и есть «серьезная операция в другой больнице», которую сделали Мисаки Фудзюке до того, как положить в городскую больницу. Голос Мидзуно-сан отчетливо прозвучал у меня в памяти - она сказала по телефону эти самые слова. Я невольно зажмурился.

- Операцию сделали в начале года, и она прошла очень успешно. Но надо было продолжать следить за состоянием Мисаки, поэтому, когда оно стабилизировалось, ее перевели в здешнюю больницу. Даже после перевода она поправлялась так, как врачи прогнозировали. Я время от времени потихоньку ходила ее навещать. Кирике не говорила, естественно.

Мы с Мисаки разговаривали обо всем подряд, и однажды она сказала: «У тебя дома столько классных кукол, я так тебе завидую». И тогда я ей пообещала. Я показала ей фотографию со всеми куклами в моей комнате и спросила, какая ей больше нравится, и сказала: «Ту, которая тебе нравится больше всех, я тебе подарю на выписку из больницы». И...

- Это была та самая кукла, которую ты отнесла в морг в тот день?

- ...Я ей обещала, - Мей медленно и грустно опустила ресницы, потом снова открыла глаза. - Я и подумать не могла, что она так внезапно умрет... Совершенно не думала. Она же поправлялась без проблем, врачи говорили, что скоро ее выпишут. А потом вдруг она...

...Да.

Мидзуно-сан тоже так говорила.

Состояние Мисаки Фудзиоки вдруг резко ухудшилось, и она умерла, прежде чем кто-либо успел что-либо сделать. Это было 27 апреля, в понедельник. Мидзуно-сан сказала: «Она была единственным ребенком в семье, родители были вне себя от горя».

Да, я получил ответ на вопрос, который уже долго не шел у меня из головы; но стоило мне представить себе, что творилось в душе у Мей, как мое сердце сжалось, и я с трудом удержал слезы. Однако в то же время...

Предельно ясным стал новый, важнейший факт.

- Значит, вы с ней изначально были не двоюродными сестрами, а родными, - произнес я, чувствуя мощное замешательство. - А значит, ты и Мисаки-сан - кровные родственники в пределах двух колен.

- Да.

- Значит, ты поэтому тогда так сказала?

Мой первый день в школе, моя первая встреча с Мей там. Во время нашего разговора возле клумбы с цветущими желтыми розами неподалеку от нулевого корпуса...

«Будь осторожен. Возможно, это уже началось».

- Помнишь, ты сказала: «Возможно, это уже началось»?

- У тебя хорошая память. Да, так и есть.

- Значит, это уже началось, - повторил я, не сводя глаз с лица Мей. - «Катастрофы» этого года начались уже в апреле.

- ...Скорее всего.

- Почему ты уже тогда не сказала?

- Я... в общем, я... - не глядя в мою сторону, Мей снова медленно, печально опустила и подняла ресницы. - Мне не хотелось верить, что она... Мисаки умерла... из-за такого. Я просто не могла принять, что причиной стала такая иррациональная вещь, как проклятие. И поэтому, даже когда ты спросил, есть ли у меня братья или сестры, я просто не смогла ответить «да». И когда ты спросил про Мисаки, я могла только сказать, что она моя двоюродная. Я просто не хотела говорить.

Мне вспомнилось.

После того как Юкари Сакураги стала одной из «жертв мая» и я во второй раз наткнулся на Мей в подвале выставки, она сказала: «Я... думаю, в глубине души я только наполовину верила. Сначала было это, потом в мае, когда пришел ты, я тебе всякого наговорила, но все равно я на сто процентов не верила».

«Сначала было это» - имелась в виду смерть Мисаки в апреле. И, видимо, то, что «она мне всякого наговорила», - это отсылка к той самой предыдущей фразе, что «возможно, это уже началось»...

Голова Мей была опущена, пальцы сжимали простыню на кровати, где она сидела. Я снова честно попытался представить себе, что она чувствовала, но просто не смог удержаться от того, чтобы, сложив вместе факты, которые я осмыслил, громко произнести:

- «Катастрофы» этого года начались уже в апреле, как и во все прошлые годы. Мисаки Фудзиока, умершая в больнице, стала первой жертвой... «жертвой апреля». Значит...

Порывистый ветер, стучащийся в окно, словно впился в меня, высасывая тепло. Холод пополз вниз по спине, мурашки побежали по всему телу.

Мей медленно подняла голову, будто говоря: «Я знаю...»

- Я тоже об этом думала.

- О чем?

- Когда ты пришел в школу после больницы, было уже начало мая. Именно тогда мы поняли, что в классе не хватает парт, и поэтому все решили, что «катастрофы» этого года нетипичные и должны начаться в мае. Но если Мисаки была «жертвой апреля», значит, мы ошибались...

- ...Да, так и есть, - крепко обхватив себя руками, я кивнул. - Значит, несмотря на то, что с самого начала парт хватало, «лишний» проник в класс в апреле, еще до того, как я пришел в Северный Ёми...

3

- Значит, поэтому, да? - робко спросил я после нескольких секунд молчания. - Когда я сказал, что думаю, уж не я ли «лишний», ты так уверенно сказала мне, что нет. Ты сказала: «Расслабься, это не ты».

- ...Да, было такое.

- Это как раз потому, что ты знала, что «катастрофы» начались уже в апреле, да? А раз в апреле я еще не учился здесь...

- Отчасти да... но главная причина в другом.

У меня возникло ощущение, что я заранее знал, что Мей ответит как-то так.

- То есть? - продолжил я. - Что за причина?

- Я...

Она начала было отвечать, но в нерешительности остановилась. Взгляд ее устремился куда-то в пространство, и довольно долго она даже не моргала - сидела неподвижно, как кукла. Потом наконец...

Похоже, она приняла решение. Встала с кровати, повернулась ко мне лицом. Я увидел повязку на ее левом глазу, которая все это время была от меня скрыта. Потом размеренным движением Мей сняла повязку.

- Этот глаз...

Специальный искусственный глаз, сидящий в пустой глазнице. «Пустой синий глаз» смотрел прямо на меня.

- «Глаз куклы» сказал мне, что это не ты.

Конечно, я не понял, что она имела в виду. Однако какое-то смутное предчувствие у меня возникло.

- Как он это сделал? - задал я очередной вопрос.

Мей ответила сразу, уже без намека на нерешительность:

- Кажется, я тебе уже говорила. Этот глаз может видеть невидимое. То, что ты не ожидаешь увидеть; то, что лучше бы не видеть; то, что хотелось бы не видеть.

- То, что не ожидаешь увидеть? Что лучше бы не видеть? Это, например, что?

- Например... - Мей подняла правую руку и закрыла здоровый глаз, не «глаз куклы». - Например, «цвет смерти».

Эти слова прозвучали, как какое-то заклинание.

- Цвет или оттенок чего-то, что по ту сторону, там, где смерть.

- ...

- Понимаешь? Нет... вижу, не понимаешь.

Честно говоря, я просто не знал, что ответить. Однако -

- В нормальной ситуации вряд ли ты мне поверил бы, даже после объяснения... Но сейчас я вполне могу рассказать тебе все. Хочешь?

Я энергично кивнул, не задумавшись ни на миг. И посмотрел прямо в уставленный на меня глаз. Красивый, но абсолютно пустой синий глаз...

- Хочу, - сказал я.

4

- Сперва я не могла понять, что происходит, и поэтому постоянно была не в своей тарелке.

Не возвращая повязку на место, Мей снова села на край кровати. Она начала новый рассказ тем же тихим голосом, что и предыдущий.

- Когда я потеряла левый глаз, то, конечно, и видеть им перестала. Хотя в упор фонариком посвети - я даже искорки не увижу. Если я закрою правый глаз, то вообще ничего видеть не буду. Операция была, когда мне было четыре года, так что я живу с одним нормальным глазом всю свою сознательную жизнь. Даже после того как Кирика сделала для меня «глаз куклы», какое-то время так все и оставалось. Но потом...

Когда это началось? По-моему, когда умер кто-то из родственников отца; тогда меня взяли на похороны. То ли в конце третьего класса начальной школы, то ли в начале четвертого. Они сказали, чтобы я попрощалась, и я положила в гроб цветы... и вот тогда я посмотрела в лицо человека, который умер, и почувствовала что-то очень странное. Мой левый глаз не должен был ничего видеть, но он как будто воспринимал что-то... не форму, нет. Больше похоже на цвет.

Я была просто в шоке. Ну, потому что я, по сути, вообще впервые что-то ощутила левым глазом. И это было очень странное ощущение. Когда я закрыла левый глаз и смотрела только правым, я видела просто лицо, абсолютно нормальное. А когда я смотрела и левым глазом, добавился какой-то странный цвет поверх всего...

- Что ты имеешь в виду, «странный цвет»?

- Я не могу объяснить, - Мей вяло качнула головой. - Этот цвет я никогда не вижу правым глазом... просто не могу видеть. Я не могу его назвать словом, вроде «красный», «синий», «желтый» - вообще никаким названием цвета. Ни одно не подходит. Это... цвет, которого в нашем мире просто нет.

- Даже если смешивать все существующие цвета и краски?

- ...Да.

- И это и есть «цвет смерти»?

- Сперва я этого не поняла... - Мей задрала голову и коротко вздохнула. - Никто мне ничего не мог нормально объяснить. Врачи меня осматривали, но ничего необычного не находили. Они говорили, что это просто мое воображение. Я пыталась им верить, но... Время от времени я снова это видела, и оно не прекращалось. И... - Мей медленно вернула взгляд к моему лицу. - Через не знаю сколько лет я поняла. Когда я ощущаю этот цвет, это означает, что где-то рядом «смерть».

- Ты имеешь в виду, «смерть» рядом, когда ты смотришь на лицо умершего?

- Один раз это было, когда рядом со мной произошла автокатастрофа. Водителя машины зажало. Его лицо было все в крови... он был уже мертв. Я тогда ощутила тот же цвет, что и на похоронах.

- ...

- И это не только, когда я смотрю на самого человека. Скажем, в новостях, когда показывают видео или фото каких-то аварий или войн. По телевизору и в газетах такое нечасто показывают, но в журналах иногда попадаются фотографии трупов. Когда я на них смотрю, я тоже вижу.

- Тот же самый цвет?

- Не уверена, что тот же самый. У него много оттенков.

- Что?

- Иногда я его вижу четко, иногда туманно. Это можно назвать разными оттенками одного цвета. Когда кто-то уже умер, он яркий, а когда сильно ранен и должен скоро умереть или, скажем, умирает от болезни, этот цвет сравнительно слабый.

- Значит, этот цвет ты ощущаешь не только у тех, кто уже умер.

- Да. Мне кажется, у живых я его ощущаю, когда они близки к «смерти». Они оказываются ближе к «смерти», чем нужно, ближе, чем нормально... и их тянет к себе та сторона. Вот почему он слабый. Не столько цвет, сколько тень... Знаешь? Я терпеть не могу большие больницы. Бабушку Аманэ один раз положили, чтобы удалить опухоль, и она поправилась, потому что эту опухоль у нее рано обнаружили, но когда мы пришли ее навестить... Мне было очень тяжело. И страшно. Я не хотела, а все равно видела у разных больных в ее палате «тень смерти»...

Это не предвидение, не какая-то такая сила. Я вижу этот цвет у людей, которые тяжело ранены или больны, но если я встречу с человеком, который скоро погибнет в аварии, то ничего не почувствую. Мне кажется, я скорее вижу в человеке что-то вроде предрасположенности к смерти.

- ...

- Честно говоря, ходить в больницу к Мисаки тоже было малоприятно, потому что время от времени я это ощущала. Но именно у Мисаки я ни разу не заметила. Я этому радовалась – думала, что она поправится, а потом... а потом она вдруг...

Мей закусил нижнюю губу – то ли от горя, то ли от раскаяния. Потом сжала губы и довольно долго так сидела, прежде чем продолжить.

- Тебе наверняка интересно, почему этот глаз может видеть такие вещи, как так получилось. Кстати, этот «цвет смерти», как я его, называю, я вижу только у людей. У животных не видела ни разу... странно, да? По-моему, очень странно.

Я тоже не понимала, и боялась, и ненавидела этот глаз. Я обдумывала и так, и эдак, но – просто не знаю. Я этого не понимаю, но избавиться не могу. Остается только принять. И в конце концов я стала думать об этом так: «Может быть, это из-за пустоты, которая внутри кукол».

«Куклы пустые».

А... И это тоже Мей сказала мне в подвале выставки.

«Куклы – это пустота. Их тела и сердца – полная пустота... вакуум. Эта пустота похожа на смерть».

– Понимаешь, куклы пустые. В них пустота, похожая на «смерть»... Может быть, именно поэтому мой левый глаз, такой же, как у них, видит в людях «цвет смерти». А может быть, это как-то связано с тем, что было во время операции на глазу, когда я чуть не умерла.

Я слушал ее рассказ, и меня не покидало ощущение, будто Мей раскрывает передо мной глубочайшие тайны мироздания.

– Все, что мне оставалось, – принять такое объяснение. И, конечно, говорить об этом с кем-либо я никак не могла. Даже Мисаки я это до конца не объяснила. Просто не смогла. И однажды я решила просто держать глаз под повязкой, особенно в присутствии других людей.

– ...Ясно.

Хоть я и деревянно кивнул на ее слова, рациональный кусочек моего сознания не переставал думать о них. Насколько серьезно можно воспринимать эту историю?

Не подавая виду, что сомневаюсь, я с серьезным лицом спросил:

– А привидения? Ты их видела когда-нибудь? Духи умерших или еще что-нибудь?

– Нет... никогда, – с таким же серьезным видом ответила Мей. – В смысле, я вообще понятия не имею, существуют ли они в таком виде, как все про них говорят, и обитают ли они во всех тех местах, где считается, что они обитают. Сдается мне, их просто нет.

– А паранормальные фотки?

Естественно, этот вопрос я задал с умыслом.

– И их тоже, – ответила Мей, сидя неподвижно. – Фотографии, которые показывают по телевизору и в журналах, – это всё подделки. Но именно поэтому... – выражение лица Мей вдруг стало жестче, – именно поэтому я хотела посмотреть на ту фотографию, которую сделали двадцать шесть лет назад. Я хотела взглянуть на настоящую этим глазом и убедиться.

– Конечно. И когда ты ее рассмотрела...

Позавчера, когда она пришла ко мне домой и стала изучать мамины фотки, она сняла повязку с глаза. И...

«А цвет?»

Да, этот вопрос она задала. И дальше –

«Цвет тебе не кажется странным?»

– Что ты увидела? – спросил я. – «Цвет смерти» у того ученика на фотке, Мисаки Ёмиямы?

– Да, – тут же ответила она. – Я впервые в жизни ощутила такой цвет на фотографии, которую называют «паранормальной». Значит, это и...

Не отрывая глаза от губ Мей, оборвавшей фразу на середине, я с запозданием вспомнил:

«Я знаю, что я сама не «мертвая»».

Эти слова она произнесла, когда я пришел к ней домой и мы долго разговаривали в гостиной на третьем этаже.

Я тогда уцепился за них и сказал: «Значит, в том, что ты сама не «мертвая», ты уверена, да?»; она начала было что-то объяснять – «Понимаешь...» – и тут же замолчала.

- Думаю, так тебе будет понятнее, – произнесла Мей, вновь медленно встав с кровати. – Когда я снимаю повязку и смотрю на тебя, я не вижу «цвет смерти». Значит, это не ты. Ты не «лишний».

- И поэтому же ты знаешь, что это не ты.

- Да.

Кивнув, Мей взялась за повязку. Начала надевать, но остановилась, будто передумав.

- Вообще я верю в эту непонятную способность моего «глаза куклы». Но где-то в глубине души, думаю, я все-таки немного сомневаюсь. Все-таки я немного сомневаюсь – вдруг это все обман?

Я тебе только что сказала: «Это не предвидение, не какая-то такая сила», да? Но иногда мне кажется, что по крайней мере для меня это действительно что-то вроде предвидения. Если где-то в скором времени за мной придет смерть, может быть, я это как-то почувствую. И если буду действовать правильно, то, возможно, смогу избежать смерти... Помнишь тот раз, когда ты сказал, что беспокоишься, что я иду домой одна, а я тогда сказала, что все в порядке? Вот поэтому и сказала.

...Точно.

Я помнил.

- Если поверить всему, что ты рассказала... – произнес я и тоже встал. Мурашки по коже бегать перестали. Наоборот, несмотря на холод в комнате из-за кондиционера, у меня на спине чуть ниже шеи выступил пот.

Я стоял чуть более чем в метре от Мей. Оба ее глаза – и левый, и правый – были открыты и устремлены на меня. Сзади вновь отчаянно задребезжало окно.

- Тогда, значит, ты знаешь, кто это?

«Кто мертвый?..»

- Ты смотрела своим «глазом куклы» и теперь знаешь, кто в нашем классе «лишний»?

Мей двинула головой как-то неопределенно – ни подтверждая, ни отрицая того, что я сказал. Потом ответила:

- Я стараюсь не снимать повязку в школе. С самого начала третьего года, когда я узнала о «проклятии», я ее ни разу не сняла. Даже после того, что случилось с Мисаки, даже после того как ты перевелся к нам в школу... Даже после того как Сакураги-сан умерла и я начала верить, что «катастрофы» взаправду начались, я ни разу...

- Даже когда ты написала те слова на парте?

«Кто мертвый?..»

- Ведь тебе достаточно было снять повязку, и ты тут же смогла бы сказать, кто это?

- Даже если бы я узнала - даже если бы я знала, кто это, мне казалось, что я ничего не смогу изменить. Я думала, что знание нисколько не поможет. Я об этом думала, но... понимаешь?

Откровенно говоря, я был не очень настроен принять такую точку зрения.

Да, я действительно никогда не видел ее в школе без повязки. Но неужели она на самом деле ни разу даже не позволила ей соскользнуть? Неужели она ни разу не попыталась отыскать ответ на загадку «Кто мертвый?». Как она вообще могла не думать об этом все время, постоянно?

Но...

Делала она что-то или не делала - все это в прошлом. Сейчас размышлениями об этом ничего не достичь. Проблема в настоящем.

- Если так...

Я положил руку на грудь и сделал глубокий вдох. Может, стресс виноват, а может, просто мое воображение разыгралось, но мне показалось, что в груди кольнуло, и я тут же как наяву увидел картину своего скукожившегося легкого.

- ...То что дальше? Что сейчас?

Да - сейчас, когда она услышала кассету, записанную и спрятанную Кацуми Мацунагой пятнадцать лет назад. Теперь она уже не может сказать, что информация о том, кто «лишний», ничем не поможет.

- Сейчас ты знаешь? Видела его или ее? Этот человек сейчас здесь, с нами?

Брови Мей задрожали, будто мой поток вопросов выбил ее из колеи. Она явно не хотела отвечать. Мне показалось, что она сейчас прижмет руку к груди и сделает глубокий вдох, как я только что; но тут ее растерянный взгляд ушел в сторону и она снова слегка закусилла нижнюю губу.

И наконец напряженно кивнула.

- «Лишний» здесь.

- ...Значит, поехал с нами.

По моей коже под рубашкой пот лил в три ручья. Я не отводил взгляда от губ Мей.

- Кто он?

- Я не -

В этот момент наш разговор прервал раздавшийся от двери грохот. Кто-то лупил по ней снаружи. Не стучал - а как будто бился всем телом.

- Кто там?

Одновременно с вопросом Мей дверь резко открылась. Едва я увидел, кто ввалился в комнату, как начисто забыл, что делал и думал всего несколько секунд назад.

- Тэсигавара?! Что случилось?

5

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: что-то очень не так.

Тэсигавара дышал тяжело, будто бежал сюда со всех ног. Рубашка налипла на потное тело. Волосы и лицо тоже были мокры от пота. И при этом он был ужасно бледный; глаза на застывшем лице смотрели куда-то в пространство.

- Что случилось? Что-то... - повторил я и шагнул было к Тэсигаваре, но он издал какой-то придушенный звук и лихорадочно замотал головой. Потом посмотрел на Мей, потом снова на меня. Абсолютно никак не среагировав на то, что Мей была без повязки, он сумел наконец выжать из себя между тяжелыми вдохами-выдохами:

- Ага... прости... слуш... простите, что врываюсь, но... можно один вопрос задать?

Он хочет всего лишь задать нам вопрос? Странно. Просто очень странно. Тэсигавара, ты вообще как себя чувствуешь? Что, черт возьми...

- Просто хочу кое-что спросить, по-быстрому.

По-прежнему тяжело дыша, Тэсигавара прошел мимо меня и направился к балконной двери. Балкон выходил на внутренний двор, окруженный зданием с трех сторон.

Встав у двери, Тэсигавара повернулся к нам лицом.

- К-короче. Ребята, вы знаете такого Томохико Кадзами? - вдруг ни с того ни с сего спросил он.

- Чего?

Я машинально склонил голову набок. Мей среагировала примерно так же.

- А контекст можно?

- Слушай, я задал конкретный вопрос. Вы знаете, кто такой Кадзами? Можете его описать?

Голос Тэсигавары, когда он повторял свой вопрос, был таким серьезным, какого я еще никогда у него не слышал.

- Ну да, знаю, конечно, но это не... - ответил я, чувствуя, как на меня наваливается тяжелое предчувствие. - Он в нашем классе староста от парней. Твой старый приятель.

- Оооой... - с искаженным лицом простонал Тэсигавара. - А ты, Мисаки? Ты его знаешь?

- Конечно, я его знаю.

Тэсигавара снова простонал «ооой», потом вяло пробормотал:

- Н-ну да, конечно...

Его колени подогнулись, и он сел – свалился, фактически – на пол. Он и так был бледен, но тут его лицо стало еще блее; губы задрожали.

– Эй, Тэсигавара, ты почему спрашиваешь? Что случилось?

Он по-прежнему сидел на полу; когда я подошел к нему, его голова закачалась вверх-вниз.

– Паршиво, – промямлил он голосом, вызывающим ассоциацию с раздавленной лягушкой. – Ой как паршиво...

– Да ты вообще о чем?

– Кажись, я облажался...

– Облажался? В чем?

– Я... слуш, я был просто уверен, что он и есть «лишний». И только что я...

– «Он»? Это ты про...

Это он про Кадзами?

– Кадзами.

– ...Не может быть.

– Я это сделал.

Он это сделал? Неужели он убил Кадзами?

– Врешь!

– Да чего мне врать? – Тэсигавара обхватил голову руками. – Я последнее время втихаря его проверял. Говорил с ним о разных штуках из нашего детства, ну, проверял, помнит он или нет. И он...

– Аа... ну это же...

– Он странно себя вел, зуб даю! – умоляюще, почти всхлипывая, произнес Тэсигавара. – Я спросил о том месте – ну, о нашем тайном убежище у реки, мы в третьем классе началки там все время играли, а он такой: «Я не помню». Потом я еще спросил про лето, когда мы были в пятом классе, – мы тогда на великах хотели проехать до самого океана, а сдались почти сразу, как выехали из города. А он такой: «Как-то не припоминается». Ну и...

– Ну и?

– Я сперва-то был не очень уверен, это знак или нет, но потом я думал и думал, и это все стало казаться подозрительным... И я решил, что это не он. Что настоящий Кадзами давно умер, а этот Кадзами – «лишний», он пролез к нам в класс весной...

Дааа. В смысле – у Тэсигавары явно серьезное непонимание ситуации. «Лишний» / «мертвый» вряд ли так бы себя вел.

Насколько я понял из объяснений Мей и Тибики-сана, вопрос, он «настоящий» или

«фальшивый», бессмысленный в принципе. Он однозначно «настоящий» во всем; человек, который умер, возвращается к жизни, нисколько не подозревая, что он уже «мертвый» и пролез в наш мир незаконно. Поэтому что он помнит из детства, а что не помнит, вообще никакого значения не имеет. Это никак не может служить доказательством или признаком, позволяющим его вычислить. И все же...

Детские воспоминания, о которых говорил Тэсигавара, могли потускнеть или вовсе стереться у кого угодно. И все же...

- Вот, а сегодня вечером я... так подстроил, что он пошел со мной.

Давясь словами, Тэсигавара принялся объяснять, что произошло дальше.

- Я с ним живу в одной комнате, но я не хотел, чтобы в соседних комнатах слышали, и мы пошли в другое место. Я нашел в углу второго этажа комнату отдыха и сказал ему, что хорошо бы пойти посмотреть... А когда мы пришли, я психанул и так и врезал ему: ты, говорю, не настоящий Кадзами, правда? Ты «лишний», правда? Его аж затрясло, и он испугался, а потом как начнет на меня орать. И я подумал, блин, раз так себя ведет, значит, точно виноват. Ну и - на той кассете же сказано, если он умрет... если я его верну в мир мертвых, то спасу всех.

- ...И ты его убил? - мой голос едва не сорвался, я его еле сдержал. - Взаправду?

- Сперва мы с ним просто толкались и лаялись. Я не думал ничего такого, типа: так, пора его пришить; не бил его, ничего... Блин, да я вообще не помню, что я думал. Потом мы как-то оказались снаружи, на балконе. А потом я даже понять ничего не успел, а он...

- Упал?

- ...Мм.

- Ты его толкнул?

- ...Может, и толкнул.

- И он из-за этого умер?

- Он лежал на земле и не шевелился. И голова была вся в крови.

- ...Аа.

- Но тут я вдруг очканул. Меня аж затрясло всего, - Тэсигавара прижал колени к груди и еще сильнее вцепился в свою шевелюру. - Я выскочил в коридор... и прибежал сюда. Потому как знал, что ты пошел к Мисаки. Решил, что надо вам первым сказать.

- А Мотидзуки-куну?

- А он ненадежный.

- ...В любом случае - зачем ты нам те вопросы задавал?

- Из-за той кассеты. Забыл, что ли?

Тэсигавара опустил руки и поднял глаза на меня. Глаза были красные, в них стояли слезы, готовые вот-вот потечь по щекам.

- Сказал же этот Кацуми Мацунага: когда он убил «лишнего» пятнадцать лет назад... ты же слышал, да? Когда «лишний» умер, он исчез. Никто в целом классе не помнил, что он вообще был, кроме самого Мацунаги, потому как он сам это сделал. Потому-то я и...

- Ты хотел проверить, Кадзами действительно «лишний» или нет.

- Ага. Но вы сказали, что знаете его.

Плечи Тэсигавары тяжело поднимались и опускались. С отчаянием в голосе он спросил:

- Я что, все сделал не так? Сакаки - я налажал?

Пытаясь понять, как ему ответить, я углядел два возможных варианта, которые и стал обдумывать.

Первый вариант - Томохико Кадзами не «лишний», чего и боялся Тэсигавара. Иными словами, Тэсигавара «все сделал не так».

Второй вариант - даже если Томохико Кадзами «лишний», он еще жив. Судя по рассказу, который мы только что услышали, Тэсигавара не спускался с балкона, чтобы проверить, мертвы ли Кадзами. Значит, не исключено...

- Возможно, он не умер.

- Э?

- От падения со второго этажа не обязательно умирают. Возможно, он жив, просто потерял сознание.

- А...

Тэсигавара, пошатываясь, поднялся на ноги и отвернулся к балконной двери. Потянулся - практически качнулся вперед - открыл ее и вышел. Я поспешил за ним.

Дул влажный ветер. Между облаков пробивался лунный свет...

Прижавшись грудью к стальной балконной решетке, по-прежнему мокрой от дождя, Тэсигавара вытянул правую руку вперед и наискось. Слева от входной двери, в углу второго этажа... тускло светилось несколько окон. Где-то там, видимо, была и комната отдыха.

- Это было... вон там, - показал Тэсигавара. - Блин. Не вижу его отсюда. Он за теми кустами...

Я достал из кармана мобильник. Надо позвонить в полицию или в «скорую». Увидев мое движение, Тэсигавара сказал:

- Э-эй, Сакаки. Ты ж не собираешься сдать полиции лучшего друга?

- Дурак.

В голове у меня мелькнул образ того следователя.

Старший из двух полицейских, расспрашивавших меня по поводу смерти Мидзуно-сан. Тот, на которого я как-то раз наткнулся возле школы. Его звали Оба. Он еще говорил, что у него дочь учится в начальной школе. Потом дал визитку с номером своего мобильного на обороте и

сказал: «Если вы когда-нибудь сочтете, что я могу чем-то помочь...» Я тогда внес номер в адресную книгу телефона – на всякий пожарный. Если мы расскажем ему, что произошло, возможно, он в какой-то степени поймет.

Я отодвинулся от Тэсигавары и поспешно набрал номер. Но...

Сигнал не проходил.

Я глянул на экран – там была одна полоска. Но все равно дозвониться не получалось.

- Сакакибара-кун.

Я услышал голос Мей. Она смотрела на меня сквозь окно, не выходя на балкон.

Мей слабо, но акцентированно покачала головой. Потом произнесла очень тихо, чтобы Тэсигавара не услышал:

- Это не Кадзами-кун.

- ...Вот как.

Стало быть, «глаз куклы» сказал ей, что «это не Кадзами». «Лишний» кто-то другой.

- Тэсигавара! – с напором заявил я. – В первую очередь надо пойти выяснить, он жив или нет. И если жив – надо оказать первую помощь. Согласен?

- Ага... – кивнул Тэсигавара без особой убежденности в голосе и отодвинулся от балконной решетки.

Глядя на совершенно убитого крашеного пацана, я сказал:

- Ты, конечно, жуткий пессимист, но даже не думай кончать с собой.

И я вовсе не шутил.

- Ага...

- Тогда пошли быстрее.

6

Выскочив из комнаты 223, мы побежали прямо к выходу – по коридору второго этажа до лестницы в середине здания, затем по лестнице вниз, в фойе. И по пути...

У меня внезапно возникло какое-то странное ощущение.

Предчувствие, какой-то звоночек в самом нутре... нет, не совсем. Если подключить рассудок – никакого такого шестого чувства просто не может быть.

Эхо... да. Я почувствовал эхо чего-то.

Странное эхо. Беспокойное эхо. Кошмарное эхо. Если подключить рассудок – наверняка причиной послужило что-то, что мельком попало мне на глаза, когда я сбежал по лестнице.

Тэсигавара и Мей неслись вперед, не оглядываясь. А у меня ноги сами собой остановились.

Я в фойе. Уже ночь, света почти нигде нет. Коридор, уходящий вдаль, словно всасывающийся в черноту. И там...

Приоткрытая дверь – совсем на чуть-чуть. Вот что я увидел.

Дверь в столовую?

Свет за ней не горел. Там было еще темней, чем в коридоре. И вот в глубине этой черноты, видимой сквозь щель приоткрытой двери, я ощутил что-то – что-то чертовски беспокоящее. Отсюда, видимо, и то «эхо», которое я почувствовал.

Звать остальных мне не хотелось. Я в одиночку подошел к двери и взялся за тускло блестящую ручку.

Она была влажная.

Пот? Нет, не пот. Это...

Я убрал руку и, развернув ее ладонью вверх, взгляделся. Несмотря на темноту, мне удалось с трудом различить что-то. Да, это был не пот. Что-то более темное запачкало мне руку. Это...

...Кровь?

Кровь? Но почему?

Можно было отойти от двери и догнать Мей с Тэсигаварой. Но я не мог. Без единой мысли в голове я открыл дверь и осторожно вошел в столовую. В темноте почти ничего не было видно, так что я двигался медленно, шаг за шагом, по стеночке. И вдруг –

– Ай! – вырвалось у меня, когда что-то вдруг вцепилось мне в лодыжку. – Уай. Что...

Что это? Кто это?

Я дернулся назад и вырвался.

Что-то... кто-то лежал на полу ничком. Мои глаза уже приспособились к темноте, и я различил контур тела в слабеньких лучах лунного света, вливающегося через окна в задней части комнаты.

– Ка... какого?... – в ужасе пробормотал я. – Кто это? Что...

Человек, похоже, был в летней школьной форме. Причем, судя по брюкам, в мужской.

Поскольку он лежал ничком, лица я не видел. И не мог определить, кто это. Его правая рука была вытянута вперед. Видимо, ей он и схватил меня за лодыжку только что. Напугало это меня сильно, но захват был на удивление слабым.

– Ты как? – я наклонился и положил руку ему на плечо. – Эй, тебе плохо? Почему ты?..

Услышав мой голос, он дернулся. Я поводил рукой вдоль его вытянутой руки. И...

Снова такое же скользко-влажное ощущение, что от дверной ручки.

– Ты поранился?

Он тихо, сдавленно простонал.

Я снова взял его за плечо и попытался приподнять. Но...

- ...Нееет, - голос прозвучал слабее, чем я мог вообразить. - Уже поздно...

- Почему? - спросил я и только тут заметил: на белой рубашке до самого пояса было здоровенное темное пятно. Она была вся в крови.

- Тебя... тебя ударили чем-то? - спросил я. Потом, прижавшись щекой к полу, попытался разглядеть лицо. Из-за темноты и крови, покрывавшей лицо тоже, разобрать, кто это, было трудно, но...

- Маэдзима-кун?

Маэдзима, который без усталости тер спину Вакую, когда у того случился приступ астмы после ужина. Маленький, худощавый Маэдзима с детским лицом, который на самом деле был отличным кендоистом. Я был почти уверен, что это он.

- Как это случилось? - спросил я, подведя губы вплотную к его уху. - Тебя кто-то ударил? Тебя кто-то...

Он снова тихо, болезненно простонал и наконец заговорил, пропихивая слова между тяжелыми вздохами. Как будто выжимал из себя все силы до капли.

- К-кухонный... кухонный нож...

- Кухонный нож? Что было?

- Меня... ножом... хо... хозя...

- Хозяин? - я потряс Маэдзиму за плечо. - Нумата-сан? Что он сделал?

Я поливал его вопросами, но ответов больше не получал. Приглядевшись к лицу Маэдзимы, я увидел, что его глаза закрыты.

Похоже, он потерял сознание. Или умер? Я не мог успокоиться и взять себя в руки, чтобы проверить...

Поднявшись на ноги и пересилив страх, заполнивший было все мое тело, я зашагал вперед. Даже не найдя выключателя, в лунном свете я различил дверь кухни в противоположном конце столовой.

«Этот старикан чертовски подозрительный».

В памяти начали прокручиваться комментарии, которым меня обильно угощал Тэсигавара несколько часов назад в этой самой комнате.

«Как мы сюда пришли, он все время на нас сердито пялится, заметил?»

Нет... не может быть.

«Зуб даю, есть уйма стариков, которые в один прекрасный день съезжают с нарезки и убивают собственных внуков или еще какую-нибудь хрень делают».

Не мог же он...

«Лучше за ним приглядывать».

Добравшись до кухонной двери, я снова ощутил что-то странное. На этот раз не благодаря зрительной информации. Благодаря слуховой и обонятельной...

Из-за двери доносился какой-то необычный тихий звук; я не мог понять, что за звук.

Я чувствовал какой-то необычный слабый запах – да, из-за двери; но не мог понять, что за запах.

Но...

«Не открывай. Нельзя открывать». Так меня предупреждал внутренний голос, однако я не послушался его и взялся за ручку.

В тот же миг моя ладонь ощутила жар. Не настолько сильный, чтобы обжечь меня, но ручка была необычайно горячей.

Возможно, сейчас мне следовало бы бросить эту затею. Однако я без колебаний повернул ручку и с силой распахнул дверь.

И тут же понял, что это за странный звук и странный запах. В кухне был пожар.

Горело по всей комнате.

На меня обрушились дым и раскаленный воздух; я поспешно закрыл лицо рукой и задержал дыхание. В тот же миг...

Мне в глаза бросилось нечто – в свете пожара оно было видно очень хорошо.

В окружении языков пламени лежало тело.

Голова была повернута лицом ко мне. Огонь мог в любую секунду добраться до одежды. Однако человек не шевелился – видимо, потому что был уже мертв. Причиной смерти, скорей всего, послужили несколько предметов, глубоко вонзенных в спину и шею... Если зрение меня не подвело, то это были шампуры, с которых мы ели мясо за ужином.

Огонь бушевал. Даже окажись поблизости огнетушитель, вряд ли в такой ситуации он бы помог.

Я помчался обратно к лежащему на полу Маэдзиме, вопя на бегу:

– Эй! Маэдзима-кун! Там ужас! Пожар... Эй! Если мы сейчас не выберемся, то умрем здесь!

7

Маэдзима еще дышал. Услышав мой голос, он чуть шевельнулся.

Его раны и потеря крови меня тревожили; оставить его здесь я никак не мог. Я раз за разом повторял ему «давай держись», чтобы только он остался в сознании; кое-как мне удалось его поднять и вытащить в коридор. Огонь к этому времени уже выбрался из кухни и начал охватывать столовую.

Я закрывал дверь с мыслью «Если я смогу задержать огонь, пусть совсем на чуть-чуть...», когда...

- Что случилось, Саакибара-кун? - кто-то позвал меня из фойе. Это была Мей. Должно быть, она обнаружила, что меня нет, и вернулась.

- Почему ты - э?..

Она шагнула ко мне, но тут же застыла.

- Кто это? - на лице ее было написано замешательство. - Что случилось?

- Он сильно ранен! - прокричал я в ответ. - А на кухне пожар!

- По... пожар?

- Хозяин... Нумата-сан остался там. Мертвый. Его убили. И наверняка кто его убил, тот и поджег там все.

Пока я, запинаясь, обрисовывал Мей ситуацию, в голове у меня мелькнула мысль: вот оно что.

...Тогда.

В десять часов, когда я выглянул из окна коридора, прежде чем постучаться к Мей.

На заднем дворе был сарайчик, и в нем я увидел свет. Я тогда решил, что кто-то из хозяев зашел туда по своим делам. Но...

Это вполне мог быть убийца, который зашел туда после убийства Нуматы-сана, а может, перед убийством, чтобы взять керосин для поджога.

- Это Маэдзима-кун? А с ним что случилось?

- Он лежал в столовой. Вроде его в спину ножом пырнули. Наверняка тот же, кто устроил все остальное.

- Глубоко пырнули?

- Крови было много.

Мы с Мей, поддерживая Маэдзиму с двух сторон, направились в фойе. Наконец перед нами оказалась распахнутая настежь входная дверь.

- Сможешь сам его вытащить? - спросила Мей.

- Наверно. Но его надо перевязать как-то.

- Да.

- Где Тэсигавара? И Кадзами?

- С Кадзами-куном все в порядке. Земля от дождя размякла. Он вывихнул ногу, но голову повредил несильно. И уже пришел в себя.

- Слава богу.

Приняв на себя вес Маэдзимы, я потащился к входной двери. А Мей развернулась в обратную сторону.

- Э... а ты куда?

- Нужно всем сообщить о пожаре.

Она была совершенно права. Но если она сейчас пойдет обратно на второй этаж...

Это опасно. Естественно, опасность представляет и пожар, но главное - по зданию до сих пор может носиться убийца с ножом...

- Постой, Мисаки...

Когда я это произнес, она была уже на лестнице. Я хотел побежать за ней, но на мне был Маэдзима, который не мог передвигаться самостоятельно. Чувствуя, что разрываюсь, я снова двинулся наружу, таща его на себе.

Там я сразу увидел идущих к крыльцу Тэсигавару и Кадзами, жутко грязного и вообще неважно выглядящего. Очков на Кадзами не было - видимо, потерял их при падении. Он подволакивал правую ногу - каждый шаг явно причинял ему боль; Тэсигавара поддерживал его.

- Нет! Уходите от дома! - велел я.

- Э? - взгляд Тэсигавары уткнулся в меня. - Кто это? Маэдзима? Сакаки, где ты -

- Там пожар! - заорал я. - Пожар на кухне, и нам его не потушить. Кажется, это поджог.

- Ни фиги себе! Ты серьезно?..

- И кто-то напал на Маэдзиму-куна. Он тяжело ранен.

- В натуре, что ли?

- Слушай, надо отойти подальше!

- Д-да, ага.

Тэсигавара помогал Кадзами, я Маэдзиму - так вот мы двинулись прочь от крыльца. Ковыляя и спотыкаясь, мы вышли на передний двор.

Где-то сзади раздался грохот. Обернувшись, я увидел, что справа от входа - там, где была столовая, - разбилось окно, и из него вырывается пламя. Раздуваемое сильным ночным ветром, оно начало распространяться по стене.

Вдруг из гостиницы донесся вой сирены.

Похоже, это автоматически сработала противопожарная сигнализация. Или ее кто-то включил вручную. Так или иначе, теперь все, кто сидит в комнатах на втором этаже, поймут, что происходит что-то странное. Ну давайте же, ребята... выходите, пока огонь до вас не добрался...

Мне не сиделось на месте, потому что я тревожился за Мей, но я не мог бросить тяжелораненого Маэдзиму. Следовало подумать и о Кадзами. Он тоже не мог ходить, а значит,

нельзя было просто взять и попросить Тэсигавару приглядеть за Маэдзимой вместо меня.

В первую очередь надо было оттащить Маэдзиму куда-нибудь, где до него точно не достанет огонь.

Направляя Тэсигавару, я на максимальной скорости, какую только был способен развить, поплелся прочь от здания. Несколько учеников, встревоженных противопожарной сигнализацией, уже выбежали из главного и боковых входов.

Они все были перепуганы огнем, который расползлся по стене, усиливаясь с каждой минутой; бежали мимо нас к воротам, к безопасности. Все были в спортивных штанах и футболках или в пижамах. Некоторые даже в тапочках.

Я уже не мог заставлять свои мышцы слушаться, и во мне начало разрастаться отчаяние. Жар и дым буквально гнались за мной. В реве огня я то и дело улавливал звон разбивающихся окон. И треск самого здания.

В какой-то момент тело Маэдзимы стало намного тяжелей.

- Держись. Не сдавайся, - сказал я ему, но реакции не было. Да уж, сам он точно не пойдет...

Посреди всего этого -

Я услышал крик.

Хотя он смешался с уймой других звуков пожара, я его различал отчетливо... это был именно человеческий крик. Резкий, пронзительный вопль.

Он шел сверху.

Подняв голову, я увидел человека на балконе второго этажа. Это была комната в паре дверей от 223, из которой мы выскочили совсем недавно. Я не думал, что огонь дотуда уже добрался, но... Похоже, обитатель этой комнаты не мог выбраться в коридор и поэтому звал на помощь с балкона.

...Нет.

Я тут же понял, что дело в другом.

На балконе были уже два человека.

Судя по телосложению и прическе, одним из них была Идзуми Акадзава. Кричала, видимо, она. А второй...

- Нееет!

Пронзительный вопль наложился в моей голове на образ Акадзавы.

- Что вам?! Почему вы...

У меня от ужаса глаза вылезли из орбит. Тот человек на балконе явно пытался напасть на Акадзаву. Его правая рука была занесена над головой. И в ней был нож - возможно, тот самый, удар которым получил Маэдзима...

- Неет! - снова крикнула Акадзава. - Помогите!

Силуэты нападающего и жертвы на балконе слились в один. И тут -

Раздался такой адский грохот, что я чуть не оглох. И одновременно ослепительный огненный столб вырвался из здания в задней части, возле одного из углов...

Взрыв?

Да, взрыв.

Ну конечно - в кухне, наверно, газовые плиты. Взрыв произошел как раз там, где, по идее, должен был находиться баллон с пропаном. Значит, огонь уже и до него добрался.

Я на автомате поднял руки к лицу, защищаясь от сыплющихся искр и волны жара. Тело Маэдзимы, лишившись опоры, шмякнулось на землю. Я поспешно наклонился к нему, чтобы что-то сделать, но в то же время...

...мой взгляд остался припилен к балкону второго этажа. И я поймал момент, когда две сцепившиеся фигуры вместе перевалялись через ограждение.

- Что вообще творится? - пробормотал я, отводя взгляд. Потом сжал руку Маэдзимы.

- Ты как? Давай, держись.

Опустившись коленом в грязь, я напряг все силы, чтобы поднять Маэдзиму, но тот не реагировал вообще никак. Стоило мне чуть ослабить хват, как его тело вновь шлепнулось на землю. Он был словно надутая игрушка, в которой совсем не осталось воздуха.

- Маэдзима... Маэдзима-кун?

Я звал его снова и снова, щупал запястье в поисках пульса. Искал дыхание, сердцебиение. Но...

- Эх, Маэдзима...

Он был мертв.

8

Я застыл, пригвожденный к месту, охваченный чувством бессилия, которое перевешивало даже страх. Быстро затряс головой и начал было, хоть и медленно, приводить мыслительные процессы в норму, но тут...

Где Мей?

Во мне вдруг вспухла тревога.

С ней все в порядке?

Надо сейчас же вернуться и поискать ее. Такая мысль у меня мелькнула. Но... нет, это бесполезно.

Мей -

Она должна была предупредить всех на втором этаже, что гостиница горит, однако удалось ли ей после этого выбраться? Главная дверь – не единственный выход. Мей могла выйти через другую дверь или даже через окно...

Наверняка у нее получилось. Так я в отчаянии повторял самому себе.

Наверняка у нее получилось. Иначе сколько я буду проклинать себя за то, что не остановил ее тогда?

Взрыв придал пламени новые силы, и огонь начал распространяться по всему зданию. Остаться здесь было уже небезопасно. «Прости». Это были последние слова, которые я адресовал Маэдзиме. Я начал разворачиваться, как вдруг увидел...

...то, во что просто невозможно было поверить.

Из-за кустов, куда сразу после взрыва свалились с балкона двое, медленно появился тот человек.

Под слоем крови, грязи и пепла было уже невозможно разобрать, какого цвета была его одежда изначально. Так же густо заляпаны были волосы и открытая кожа. Не вглядываясь, различить черты лица было просто нереально.

Стало быть, когда они с Акадзавой сцепились и вместе упали с балкона, тот человек остался жив. Значит, Акадзава... разбилась? Или тот человек ее прикончил?

Фигура передо мной подволакивала ногу, рука с противоположной стороны висела плетью, все тело гротескно шаталось, и все же...

Тот человек ковылял в мою сторону. Сквозь поднимающийся дым, красноватый от пожирающего гостиницу огня, его движения показались мне похожими на походку зомби.

Он направлялся прямо ко мне. Между нами оставалось всего несколько метров. В правой руке у того человека действительно был то ли нож, то ли еще что-то подобное. На непроглядно грязном лице горели выпученные глаза. Мгновение спустя по моему потному телу побежали мурашки.

Я воображал это сотни раз, когда читал книги. Я даже видел это в кино... но в реальной жизни я такого не видел. Никогда. Ничего даже близко похожего...

...Безумные глаза. Глаза человека, абсолютно съехавшего с катушек.

Они были не похожи даже на глаза Кубодеры-сэнсэя, когда тот перерезал себе горло в классе. Его глаза были тогда абсолютно пусты. По крайней мере они не пугали, в них не было этого убийственного блеска.

Эти глаза...

Они смотрели на меня.

Едва я это понял, как рванулся прочь со всех ног. Я ни капли не сомневался, что он собирается напасть на меня и убить.

Я бежал. Кажется, сзади кто-то закричал раз или два. Наверно, те из наших, кто был недостаточно быстр и на кого напал тот человек. Я не останавливался, даже не оборачивался.

Мне было слишком страшно.

Я мчался через передний двор, пока наконец не увидел перед собой тень главных ворот. И вдруг – острая боль пронзила мне грудь. Не в силах ее вытерпеть, я остановился и, прижав руки к груди, опустился на колени.

Вспышка боли оказалась кратковременной, я сразу же почувствовал себя лучше.

- Блин... сколько можно уже... – пробормотал я и встал. После чего оглянулся.

Тот человек... убийца шел, волоча ногу. Кажется, я прилично оторвался. Может, он уже не ко мне идет... Да, наверно, уже все хорошо... Но.

Тот человек по-прежнему был здесь.

Выглядел он, как будто прямиком из ада.

Да, сейчас между нами было расстояние побольше, чем раньше, однако он все равно ковылял ко мне с прежней скоростью.

В панике, ничего перед собой не видя, я побежал, но тут же поскользнулся на шматке грязи. Неуклюже грохнулся на землю, больно ударился бедром. Застонав, попытался встать – но сил уже не было. В конце концов мне все же удалось подняться, и я снова обернулся. При виде надвигающейся фигуры врага у меня кровь застыла в жилах; еще одна стрела боли прошла грудь.

Мне не уйти...

Эта беспомощная мысль возникла у меня в голове.

Мне не уйти. Куда бежать? Значит, теперь моя очередь умереть. Как хозяин, убитый в кухне. Как Маэдзима. Как Акадзава.

- Не подходи.

Жалкий бунт; мне слова и выговаривать-то удавалось с трудом.

- Не подходи. Стой уже...

Кривые шаги того человека, убийцы, даже не замедлились. Пожалуй, наоборот, он пошел быстрее. Рука с ножом взметнулась вверх. Пламя за его спиной взревело еще громче. Дым был повсюду. И вдруг –

Откуда-то сбоку возникла черная тень.

Слова «что? кто?» даже сформироваться у меня в голове не успели, когда тень яростно бросилась на убийцу и выбила нож из его руки. В следующий миг убийца сам совершил кульбит и бухнулся на спину. Тень склонилась над ним.

- ...Ааа... – промямлил я, изумленно таращась на происходящее. – Тибики-сан?!

К тому времени, когда я это произнес, все было кончено.

Тень отодвинулась от лежащего неподвижно убийцы, выпрямилась и повернулась ко мне.

- Тибики-сан!

- Близкий был звоночек, – пробормотал библиотекарь в черном. – Я только вернулся из больницы, а тут такое. Я был просто ошеломлен. Направился сюда и вдруг заметил, что на тебя нападают с ножом...

Поправив грязные очки в черной оправе, Тибики-сан кинул взгляд на лицо убийцы.

- Я не знал, кто это, но тут же понял, что что-то не в порядке.

- Хозяина убили, в кухне.

- Хозяина?

- Да. Нумату-сана.

- Значит...

- Думаю, с этого все и началось. Потом Маэдзиму-куна пырнули, пожар начался...

- И все это она? – Тибики-сан снова взглянул на убийцу – хозяйку, Нумату-сан. – Почему она это сделала? – спросил он, но тут же помотал головой. Словно говоря себе, что задавать такие вопросы бессмысленно. Это была просто одна из «катастроф» нынешнего года...

- В любом случае, тебе следует убраться отсюда немедленно, – приказал Тибики-сан, отведя взгляд от убийцы. – За ворота. Сейчас же.

- А... ага.

- Иди один. Я займусь... Нуматой-сан.

- Э?

- Она всего лишь без сознания. И я не могу оставить ее в таком виде.

- Но...

- Все будет хорошо. Ты же видел, что я только что сделал? По моему виду не скажешь, но я достаточно хорошо разбираюсь в таких вещах. Я до сих пор исправно посещаю додзё.

Похоже, он занимался то ли дзюдо, то ли кемпо, то ли еще каким-то боевым искусством. Поражаться было некогда, но факт оставался фактом: с внешностью Тибики-сана это и правда не вязалось совершенно.

- А теперь иди, быстро.

- ...

- Иди, я сказал!

- ...Хорошо.

9

Среди тех, кто уже выбрался за ворота, я в первую очередь отыскал глазами Тэсигавару.

Прислонившись к одному из каменных воротных столбов, он с отсутствующим выражением лица смотрел на горящий «Мемориал Сакитани». Кадзами сидел возле противоположного столба, подняв одно колено, уткнувшись в него лбом и обхватив ногу обеими руками. Все его тело было напряжено.

- Эй... Сакаки, - вяло поднял руку Тэсигавара, заметив меня. - Что с Маэдзимой?

Ответить ему я не мог.

- ...Слишком поздно, да?

- ...

- Тибики-сан вернулся. Он побежал туда посмотреть, что творится.

- ...Я его видел, - ответил я, ища глазами Мей. - ...Он меня спас.

- Он нам сказал сидеть тут и не дергаться, ждать «скорую» и пожарных.

Огонь бушевал так сильно - даже издали любой поймет, что тут пожар. Непосредственно отсюда звонки не проходили, но все равно пожарные наверняка уже были в пути.

- Это что, все, кто смог выбраться? - оглядевшись, я обнаружил, что, кроме меня, здесь пятеро. Мей среди них не было. - А Мисаки?

- ...Мм? А, ее тут нет, - Тэсигавара вцепился в свою грязную коричневую шевелюру. - И Мотидзуки тоже... Да ладно, все пучком. Наверняка они оба успели свалить куда-нибудь.

Я, однако, был совершенно не способен на такой оптимизм - не мог отбросить тревожные мысли. Мне не сиделось на месте. Я отвернулся от Тэсигавары, сделал несколько быстрых шагов прочь от ворот, уставился на пламя, по-прежнему обжигающее ночное небо... И тут -

- Мей Мисаки.

Произнеся ее имя тихо, но с силой, я принялся шарить в карманах брюк. И нашел мобильник. Когда я упал, он не сломался. Найдя в списке звонков номер Мей, я нажал кнопку вызова.

Пожалуйста...

В буквальном смысле слова молясь, я поднес трубку к уху.

Один раз сегодня этот телефон уже связался с ее. Пожалуйста, сделай это еще раз. Всего один раз, прямо сейчас, пожалуйста...

...Пожалуйста, соединись.

Пожалуйста. Пусть даже на одну секунду.

Короткие электронные звуки «попытки соединения». Они шли один за другим, достаточно долго, чтобы уже можно было сдать, и вдруг -

Они сменились гудками. После четвертого гудка кто-то взял трубку.

«...Сакакибара-кун?»

Сквозь помехи было практически ничего не слышно, но я знал: это был голос Мей.

- Слава богу... не могу поверить, что я пробился, - я свободной рукой прикрыл рот и конец трубки, чтобы сфокусировать голос. - Мисаки, это ты? Значит, ты цела.

«Сакакибара-кун, а ты? И ребята?»

- Мы убежали к воротам. Но не все. Маэдзима умер, а Тибики-сан вернулся и спас меня, а убийцей была Нумата-сан, а... - вдруг я осознал, что несу совсем не то и совершенно не по делу, и резко сменил тему. - Где ты?

Это был самый главный вопрос.

«На заднем дворе, - ответила Мей. - Рядом с каким-то сараем».

Она там? Значит...

- Ты ранена?

«Я в порядке, - бесстрастно ответила она. Потом, после странной паузы, добавила: - Но уйти отсюда пока не могу».

- Э?

Она в порядке, но не может оттуда уйти? Я совершенно не въезжал, что это значит. Но, прежде чем даже попытаться обдумать это, заявил:

- Я уже иду. Буду совсем скоро, оставайся на месте.

Но когда я так сказал -

«Нельзя, не приходи», - ответила Мей. Кшшшшшхххшшш... На ее голос тут же наложились неприятные помехи.

- Почему?

«Тебе нельзя, Сакакибара-кун».

- Ну объясни, почему?..

«Я...»

Помехи резко усилились, ее голос стал тонуть в них. Я крепче сжал трубку и прижал плотнее к уху, чтобы не пропустить ни слова.

«Я... должна с этим покончить».

- Что должна?

Покончить?.. Неужели она...

Смутный образ, прятанный в глубине моего сознания, вдруг выбрался на передний план и обрел четкие очертания. Неужели она...

- Мисаки, ты же не хочешь сказать, что...

Я повысил голос, но помехи становились хуже и хуже, и я понятия не имел, сколько из того, что я говорил, она услышала.

- Там с тобой кто-то есть?

«Я...»

- Кто это? Мисаки!

«...сожалеть об этом, поэтому...»

...И все.

Ее голос пропал. Краткий миг - и посреди летней ночи, полной жутких «катастроф», слабая нить, каким-то чудом соединившая нас, оборвалась. Надвигалась полночь; близилось 9 августа.

10

Я кинулся бежать сразу же, никому ничего не став объяснять.

Освещением мне служило пламя, продолжающее пожирать здание. Со всех ног я несся прочь от ворот по тропинке, огибающей задний двор с востока. Пепел, падая на мокрую от дождя землю, образовывал месиво, бежать по которому было жутко скользко. Мне все же удалось ни разу не упасть - и наконец передо мной оказался тот самый сарай. Думаю, не прошло и пяти минут.

Вой ветра состязался с ревом пламени. И сквозь все это я услышал далекий голос пожарных сирен...

Подбегая к сараю, я искал глазами Мей.

Сарай отстоял от главного здания метров на десять, не больше, так что не удивлюсь, если скоро он тоже займется - раньше или позже, в зависимости от направления ветра. Но пока, к счастью, постройка была на вид цела.

- Мисаки! - придушенным голосом выкрикнул я. - Ты где? Мисаки!

Ответа не было. Но...

Я пошел вокруг сарая, продолжая ее звать, и, добравшись до северной стороны, наконец увидел. Мей стояла в одиночестве, прислонившись спиной к стене.

- Вот ты где...

Ее блузка, юбка, ее волосы, лицо, руки, ноги... все было в саже и пепле. Но, как она и сказала мне по телефону, без серьезных ран, похоже, обошлось...

- Мисаки?

Когда я в очередной раз ее позвал, она чуть повернула голову в мою сторону. Но тут же ее взгляд вернулся туда, куда был обращен раньше. И...

В четырех-пяти метрах от нее - туда она смотрела - был еще кое-кто... еще один человек.

Он лежал на земле ничком. Его покрывало еще даже больше пепла, чем Мей. Вдобавок нижняя часть тела была погребена под тяжелыми деревянными обломками. В общем, неудивительно, что с того места, где я стоял, я не только не мог разобрать, кто это, но даже определить пол или рост.

- Взрывом обрушило стену, - произнесла Мей, не сводя взгляда с лежащего человека. Повязки на левом глазу не было. - И завалило...

- Мы должны ему помочь, - на автомате сказал я. И тут у меня перехватило дыхание - Мей молча покачала головой.

Лишь тут я заметил, что она что-то держит. ...Кирку? Правая рука сжимала рукоять, выкрашенная в красный цвет основная часть опиралась на землю. Видимо, эта штука лежала где-то поблизости. А может, Мей взяла ее в сарае.

- Нельзя, - не поворачиваясь ко мне, произнесла Мей. - Это «лишний». Так что мы...

Эта мысль сгустилась во мне, пока я бежал сюда, - что Мей может быть рядом с «лишним». Но все равно у меня вырвалось приглушенное:

- Э?.. Правда?

- Я его вижу... «цвет смерти».

- Ты его... только что увидела?

- ...Довольно давно, - голос ее почему-то звучал очень печально. - Я знала, но ничего не могла сказать.

Почему-то очень, очень печально...

- Но... в общем, когда я прослушала кассету, то подумала: я должна это остановить. Я и представить себе не могла, что сегодня ночью случится весь этот ужас. Я должна это прекратить. Иначе мы все...

Мей резко подняла голову. И обхватила рукоять кирки обеими руками.

- Стой...

Я прыгнул и встал перед ней. Чисто машинально.

Потом развернулся и направился к лежащему ничком человеку, которого Мей объявила «лишним». Я хотел своими глазами увидеть, кто это.

Я думал, что он без сознания, но вдруг он резко зашевелился. Со стоном уперся руками в землю и, приподнявшись, попытался выползти из-под обломков. Но сил не хватило, и он рухнул обратно в грязь.

Я подошел к нему. Встал рядом и, затаив дыхание, склонился и заглянул этому человеку в лицо.

Его расширенные, пустые глаза вдруг встретились с моими.

- Аа...

Ее губы задрожали.

- ...Коити-кун.

- Нет... - я с трудом удержался от того, чтобы взвыть. - Нет...

...Не может быть.

Это что, шутка какая-то?

Я моргнул несколько раз, потом снова посмотрел на это лицо. Передо мной по-прежнему, вне всяких сомнений, была она.

- Ты хочешь сказать, это и есть «лишний»? - я, пошатываясь, выпрямился и повернулся к Мей.

- Она? Правда?

Мей молча кивнула и опустила голову.

- Нет... только не она. Как такое вообще...

Дзззззз... Знакомый густой шум поднялся из ниоткуда.

Он будто истирал мое сердце, мои мысли, мои воспоминания. Он резко стал угрожающим, чужеродным. Он набегал волнами; а в промежутках между этими волнами...

«Сколько раз я уже бывал в этом городе?»

Это был мой - Коити Сакакибары - внутренний монолог в самом начале всего, в апреле, когда я только переехал сюда из Токио.

«Когда учился в начальной школе - был три или четыре раза. С тех пор, как поступил в среднюю - вроде сейчас первый раз?.. А может, нет».

А может, нет?..

«Кстати, Коити».

Какой-то из моих телефонных разговоров с отцом в Индии.

«И как тебе Йомияма полтора года спустя? Есть разница?»

Йомияма полтора года спустя?..

«Почему? Почему?»

А это уже майна, которую держали бабушка с дедушкой.

«Бодрее... давай бодрее».

Пронзительный, полный энтузиазма голос птицы.

Они назвали ее «Рей-тян».

Рей-тян? Ну конечно. Птицу звали Рей-тян.

«Ей было – тут идет еще одно «предположительно» – года два. Позапрошлой осенью бабушка с дедушкой ее просто так вдруг взяли и купили в зоомагазине».

Позапрошлой осенью... то есть полтора года назад. Я тогда учился в первом классе средней школы.

«С тех пор, как поступил в среднюю – вроде сейчас первый раз?.. А может, нет».

...Йомияма полтора года спустя.

Полтора года назад я...

«Когда человек умирает, всегда проходят похороны.

Я не хочу... не хочу больше ходить на похороны».

Это сказал дедушка, у которого уже не все в порядке с головой.

«Бедненькая Рицко. Бедненькая... Рицко... и Рейко...»

Рицко и Рейко...

- Вот оно что... – выдавил я практически в ступоре. – Вот, значит, в чем дело.

Дзззззззззззз... Непрерывное низкое, пугающее гудение, заглушая все мысли, без перерыва звучало у меня в мозгу.

«А что, учителя тоже умирают?»

Я вспомнил разговор с Тибики-саном; не вспомнил только, когда он был.

«Классные руководители и их помощники – да. Потому что они часть класса три-три».

Любой, кто является частью класса – класса 3-3, – может умереть в результате «катастрофы». А значит – естественно – может и вернуться в качестве «лишнего»...

Но...

- Что, правда?

Все равно я не мог не уточнить еще раз у Мей. В конце концов, это не тот случай, когда я могу так вот сразу поверить, просто потому что она сказала.

- Она... Миками-сэнсэй... в смысле, Рейко-сан... она правда «лишний»?

11

«В школе я «Миками-сэнсэй», понятно? Постарайся не забывать».

Вечером накануне моего первого дня в новой школе Рейко-сан рассказала мне «Основные принципы Северного Ёми»...

«Номер один» и «номер два» оказались полушутливыми суевериями; «номер три», гласящий, что «я обязан подчиняться любому решению класса», – это, как я теперь уже понимал, намек на важную роль всего, что относилось к проблеме «лишнего». Но, по крайней мере в тот

момент, важнейшим правилом для меня было четвертое.

«Ты должен четко разграничивать личные и общественные отношения. Постарайся не обращаться ко мне «Рейко-сан» в школе, даже нечаянно».

Разумеется, я послушался.

Моя мама Рицко Сакакибара (девичья фамилия Миками) умерла пятнадцать лет назад. Ее младшая (на одиннадцать лет) сестра Рейко Миками приходилась мне тетей. То, что Рейко-сан преподавала в той же школе, куда я перевелся, да еще и была помощником моего классного руководителя, в некотором смысле внушало оптимизм. Однако если бы я вел себя неосторожно, эти отношения могли бы послужить источником множества проблем и глупых недоразумений. Я это понял и принял, так что...

Я строго следовал ее указаниям, которые она специально подала мне как «четвертый Основной принцип Северного Ёми». В школе обращался к ней «Миками-сэнсэй», дома «Рейко-сан», как будто это были два разных человека.

Рейко-сан вела себя так же. В школе она ни разу не обратилась ко мне «Коити-кун» - я всегда был «Сакакибара-кун, новый ученик»... В общем, уйму времени мы вели себя друг с другом сдержаннее, чем требовалось.

Естественно, Кубодера-сэнсэй знал правду с самого начала, как и большинство моих одноклассников. Именно поэтому, скажем, в июне при обсуждении новой «тактики», согласно которой «не существовать» должны были двое - мы с Мей, - Кубодера-сэнсэй обратился к классу с такими словами:

«Мы все должны уважать решение класса. Даже Миками-сэнсэй, несмотря на то, что она в довольно трудном положении, уже сказала нам, что сделает все возможное».

«Трудное положение» Миками-сэнсэй. Конечно, трудное - ей приходилось в школе держаться с родным племянником так, будто его «не существовало», а вне школы - жить с ним под одной крышей.

А незадолго до того Юя Мотидзуки заявился к нам в Коикэ и болтался возле дома.

«Я просто, ну, беспокоился».

Мой дом тут недалеко, и я подумал, что, может, это...»

Когда я внезапно появился, Мотидзуки принялся, запинаясь, объясняться; однако беспокоился он вовсе не обо мне, хоть я и пропустил в тот день школу из-за больницы. Я был абсолютно уверен: в первую очередь он пришел проверить самочувствие Миками-сэнсэй/Рейко-сан, которой не было в школе уже несколько дней.

Окончив школу живописи в Токио, она вернулась в Йомиюму и стала работать учительницей в средней школе, где когда-то училась. Домик на заднем дворе она объявила своим «кабинетом и спальней» и устроила там студию - рисовала картины в свободное время; это она называла «своей настоящей работой»...

Все последние четыре месяца я на ощупь искал правильную дистанцию между нами.

После смерти Юкари Сакураги Мей несколько дней подряд не появлялась в школе... и я хотел

узнать, как она себя чувствует. Тогда у меня был простой «способ» узнать – попросить у Рейко-сан список класса.

Однако я этого не сделал. Я не сказал ей, что мне нужен список, я ни разу не пытался задавать ей напрямую все те вопросы, которые у меня копились... Это все, видимо, было из-за нерешительности и беспокойства, вызванных моими попытками найти верную дистанцию.

«Мне видней, что мне стОит, а что нет, у меня тут, понимаешь, тяжелые душевные переживания».

Да, я сказал что-то такое Мотидзуки, но...

- Сакакибара-кун.

Миками-сэнсэй – Рейко-сан – полупогребенная под обломками и неспособная выбраться. Мей с тяжелой киркой в руках. И я между ними. Я не мог найти слов. Просто стоял.

Потом Мей с напором произнесла:

- Подумай, Сакакибара-кун. Как следует подумай. Еще хоть в одном классе в нашей школе есть помощник классного?

- Э? Ну... то есть...

- Больше нигде, – отрубил Мей. – Почему-то никто никогда об этом не задумывался. Мы все это просто приняли. И я тоже – сначала. Но тебе не кажется это странным? Класс три-три – единственный на всю школу, где у классного руководителя есть помощник.

- ...

- Думаю, Миками-сэнсэй умерла в позапрошлом году, когда она сама была руководителем класса три-три. После начала второго триместра, когда тот парень, Сакума-сан, не выдержал своей роли «несуществующего» и начались «катастрофы». Вот почему кружок живописи приостановили до этой весны – потому что Миками-сэнсэй была его куратором, и она умерла.

Ну да, а в этом апреле он возобновился, потому что Рейко-сан вернулась как «лишний» и снова стала куратором. А все, что было в памяти людей и в документах, исчезло, все воспоминания и записи стали фальшивыми... да?

Я изо всех сил искал ответ в собственной голове и в сердце.

Однако восстановить изнутри измененные/подделанные в результате «феномена» воспоминания было, по-видимому, невозможно, пока я был частью этого «мира». Скорей всего. Оставалось только пытаться экстраполировать горсточку объективных фактов, которые мне удалось собрать, чтобы на этой основе восстановить истину...

Возможно... я не первый раз в Йомияме с начала средней школы. Возможно, я приезжал уже сюда полтора года назад – осенью, когда учился в первом классе.

Что если я приезжал сюда... на похороны умершей той осенью Рейко-сан?..

«Я не хочу... не хочу больше ходить на похороны».

Вот что означает тот стон дедушки.

«Бедненькая Рицко. Бедненькая... Рицко... и Рейко...»

Горе, вызванное тем, что он похоронил свою старшую дочь Рицко пятнадцать лет назад. Горе, вызванное тем, что он похоронил свою младшую дочь Рейко два года назад. Все это, смешавшись в его голове, и так тронутый слабоумием, заставило его произнести те слова...

Чтобы хоть как-то смягчить потрясение, скорбь и одиночество, принесенные внезапной смертью Рейко-сан прошлой осенью, бабушка с дедушкой купили майну, которую увидели в зоомагазине. И назвали ее именем умершей дочери, сократив его до «Рей-тян».

Совсем скоро Рей-тян выучила человеческое слово: «Почему?».

Этот вопрос, по-видимому, убитый горем дедушка, а может, бабушка, задавал своей покойной дочери каждый день, сидя в комнате у крыльца и глядя на семейный алтарь. «Почему? Почему ты нас покинула, Рейко? Почему?» Возможно, Рей-тян тогда выучила это слово и с тех пор кричит его все время.

«Бодрее... давай бодрее».

Скорей всего, и это так же получилось. Эти слова, видимо, бабушка день за днем говорила дедушке, разбитое сердце которого не желало заживать и который тонул в океане отчаяния. Рей-тян выучила их и...

«Бодрее... давай бодрее».

- Парт в классе было достаточно, хотя «катастрофы» начались уже в апреле... и теперь понятно, почему, да? - указала Мей, опустив кирку. - На самом деле одного стола в начале триместра все-таки не хватало. Только не в классе - а в учительской.

- Аа...

- О чем... о чем таком вы говорите? - услышал я ошеломленный голос Миками-сэнсэй/Рейко-сан. - Это все неправда. Коити-кун, я не...

Упершись локтями в землю, запрокинув голову, Рейко-сан смотрела на меня. Ее лицо, все черное от грязи и сажи, - лицо, в котором я видел тень мамы, - было искажено. Наверно, от сочетания физической боли и психологического шока.

- Сакакибара-кун, - произнесла Мей, вновь подняв кирку и шагнув в мою сторону. - Отодвинься.

- Мисаки...

На лице Мей была написана железная убежденность. Потом я увидел искру в распахнутых от непонимания и ужаса глазах распростертой на земле Рейко-сан. И -

- Нет, - сказал я и взял кирку из рук Мей.

Кирка была среднего размера - рукоять длиной всего шестьдесят-семьдесят сантиметров, - но когда она оказалась у меня в руках, я ее едва не выронил от тяжести. Оба стальных конца были на вид острее, чем я ожидал. С таким весом и такой остротой ранить человека насмерть совсем нетрудно.

- Нет. Ты не можешь...

- Но, Сакакибара-кун... Если мы не -

- Я знаю, - кивнул я, чувствуя на себе всю тяжесть своего решения. - Я знаю. Я сам сделаю.

Я услышал сдавленный вскрик Рейко-сан. Медленно повернулся к ней и перехватил поудобнее взятую у Мей кирку.

- К-Коити-кун, погоди, что ты -

«Я не верю!» - буквально кричало ее лицо; она мелко трясла головой.

- Вернуть «мертвого» в мир мертвых... - проговорил я, сражаясь с болью и с бешено колотящимся сердцем. - Только так можно остановить «катастрофы», если они уже начались. Нам это сказал твой бывший одноклассник Мацунага-сан.

- О чем ты говоришь? Это... это безумие. Прекрати сейчас же!

- Прости, Рейко-сан.

Крепче упершись ногами в землю, я собрал все оставшиеся во мне силы и занес кирку. «По-другому никак. По-другому никак». Я раз за разом повторял себе эти слова.

Потом -

Нацелив кирку в спину лежащей ничком Рейко-сан, в то место, где сердце, я почти начал наносить удар -

Это правильно?

То, что я делаю, - это правильно?

Это действительно правильно? Мы не ошибаемся?

Имелось всего одно свидетельство, что Рейко-сан - «лишний». Утверждение Мей, которое она сделала благодаря своей особой способности - «глазу куклы», позволяющему видеть «цвет смерти». Вот единственное прямое свидетельство. Все остальное - не более чем догадки, построенные на горсточке фактов. Никакой сильной убежденности, что все именно так, у меня не было, и я не мог просто взять и выкинуть свои воспоминания о Рейко-сан. Так что...

Это правильно?

Поверить Мей и вернуть Рейко-сан в мир мертвых?

Это действительно правильно? Мы не ошибаемся?

Что если Мей все не так поняла? Что если умение видеть «цвет смерти» - не более чем самообман, иллюзия, в которую она сама поверила?

Если так, то я сейчас собственными руками убью Рейко-сан, хотя она вовсе не «мертвый». Убью человека, которого невольно ассоциирую с Рицко - мамой, знакомой мне только по фоткам. Человека, к которому просто не могу не тянуться душой. Человека, занимающего, возможно, одно из самых важных мест в моей жизни. Человека, с которым я вовсе не «не мог нормально общаться», а, наоборот, любил с самого детства.

Если говорить общими словами – «реальность» здесь, в Йомияме, такова, что под действием «феномена» воспоминания людей и документы постоянно изменяются, а воспоминания еще и быстро тускнеют, а потом вовсе исчезают... И это происходит все время. Как же я могу в такой ситуации принять на веру то, что может видеть одна лишь Мей Мисаки, хоть она и клянется, что это «правда»? Сделать то, что я собираюсь сделать, только потому, что так сказала Мей, – правильно ли?

Мои сомнения, тревога, смятение сплелись вместе. Я был не в силах двинуться с места, я почти в буквальном смысле закаменел.

И вдруг дикий грохот донесся от главного здания, где продолжал бушевать огонь. Несущие конструкции наконец прогорели, и крыша рухнула. Огромное облако искр и густого дыма взметнулось в воздух. Некоторые из этих искр долетели и до меня, по-прежнему стоящего столбом. Если все так и продолжится, нам тут тоже станет опасно находиться.

Значит...

Я не могу тут колебаться вечно.

Это правильно?

Это действительно правильно?

Снова и снова задавая себе этот вопрос, я опять повернулся к Мей.

Она ни на шаг не сдвинулась с того места, где стояла, и глядела прямо на меня. Ее правый глаз, холодно прищуренный, и левый, «пустой синий глаз», «глаз куклы» – в них обоих не было ни капли сомнения, ни капли нерешительности. Только... да, их наполняла одна только печаль.

Губы Мей чуть шевельнулись.

Я не слышал, что она произнесла, но прочел слова по губам. «Поверь мне».

...Я...

Я зажмурился и сделал глубокий вдох.

Я...

Я открыл глаза, снова повернулся к Рейко-сан. Раздираемый эмоциями на части, избиваемый нерешительностью, страхом и отчаянием, я по-прежнему видел в ней тень мамы, знакомой мне лишь по фоткам. Но...

Я... поверю Мей.

Я ей поверю.

Стиснув зубы, я принял решение.

Я поверю Мей.

Возможно, это не столько «я собираюсь поверить ей», сколько «я хочу верить ей». Но этого достаточно. Мне – достаточно.

Прорвавшись сквозь нерешительность, я вновь замахнулся киркой. Даже вопль Рейко-сан «нееееет!» (...Рейко-сан) не проник мне в сознание (Прощай... Ре-й-ко-сан).

Наполнив свое движение последними каплями сил, я вонзил острие кирки ей в спину (Прощай... ма-ма...), сквозь плоть - прямо в сердце...

И, как будто этот удар вернулся ко мне самому, мою чахлую грудь пронзила боль гораздо более яростная, чем я когда-либо раньше испытывал. Перед глазами вспыхнула картина рентгеновского снимка моего скрюченного, скукоженного легкого после третьего разрыва.

Я оторвал руки от кирки, вонзенной в спину Рейко-сан, и, прижав их к груди, мешком повалился на землю. Мучительно пытаюсь вдохнуть, уже на грани потери сознания я почувствовал, как слезы бесконечными ручьями текут у меня из глаз. И явно не только из-за боли и удушья.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883820>